

Д.И. Яворницкий

Из украинской старины

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.И. Яворницкий**
Из украинской старины / Д.И. Яворницкий – М.: Книга по Требованию, 2023. – 259 с.

ISBN 978-5-518-02418-2

ISBN 978-5-518-02418-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

периода истории Малой России. До сих пор извест-
но только два издания козачьих старин: одно сде-
лано в Москве «Общественной историей и древностей»,
изданы имъ несколько портретовъ козачьихъ, мѣшчан-
скаго и крестьянскаго сословія юго-западной России,
да и то лишь въ видѣ приложения къ «Литературному
сочиненію о Малой Россіи» Ригельмана; другое
предпринято было въ Кіевѣ, частнымъ лицомъ, В. В.
Тарновскимъ, изданнымъ на собственные средства
несколько портретовъ малороссійскихъ гетмановъ, въ
видѣ иллюстрацій къ сочиненію Антоновича и Бена
«Историческіе дѣятели юго-западной Россіи».

А между тѣмъ въ провинціи жилии Малой Россіи
было столько оригинальнаго, столько своеобразнаго,
столько поучительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столько
поэтически-привлекательнаго, что все это уже давно
само собою просится на свѣтъ Божій и давно уже
влечетъ къ себѣ вниманіе любителей и знатоковъ
южно-русской старины.

И въ самомъ дѣлѣ, историческая жизнь Малой
Россіи съ ея козачьими населеніемъ въ городахъ и
на низовьяхъ Днѣпра, въ Запорожьѣ, не разъ вы-
дѣлила такихъ героевъ, имена которыхъ могутъ
быть смѣло вписаны на страницы всемирной исторіи.
И появленіе такихъ героевъ на историческомъ сценѣ
Малой Россіи и Запорожья не случайное. Занимая
беспокойную мѣжду турко-татарами съ одной сто-
роны и поляками съ другой, козаки представляли
для себя настоящій живои оплотъ для всей русской
народности и на своихъ плечахъ выносили все удары
какъ со стороны мусульманскаго Крима и Турніи,
такъ и со стороны католической Польши. Борьба за
полицескую свободу, за православію въ Русіи, за
русскую народность, козаки какъ одну изъ родинъ
земли полякамъ своею кровью и мѣломъ и зноу и
костями и туть же создавали такихъ богатырей-ге-
роевъ, которые въ глазахъ современниковъ и вызы-
ваютъ у потомковъ справедливое удивленіе.

Въ особенности велики были подвиги тѣхъ де-
шевниковъ, которые изъ городовъ
уходили въ дѣбриновскія низовья и открытія степи.

Уходя въ степи, козаки отрѣкались отъ семьи, отъ
всѣхъ радостей земныхъ, отъ человѣческаго жилия
и жизни поначалу, въ холодъ и стужу, въ зной и
снегу, прямо подъ открытымъ небомъ, потому въ
зѣриныхъ порахъ и жалкихъ землянкахъ, питались,
до словахъ древнихъ Литвинцевъ, въ несчастныхъ
случаяхъ рыбой или птицей, въ несчастныхъ случа-
яхъ отваромъ изъ воды и роговъ шкуръ козловъ,
валявшихся въ степи, или же ржанымъ толокномъ,
запасеннымъ сухарями, вывозимыми изъ городовъ,
утѣщая себя въ послѣднемъ случаѣ тѣмъ, что отъ
такой пищи «человѣкъ дѣлается легче и потому сво-
боднѣе переплываешь все рѣки на своемъ пути».
«Козаки, какъ мали птицы дай богато - все вывить,
дай мало - говольни будуть».

Желая поощри влезавшо къ неприятелю и влез-
авшо напасть на него, козаки чрезъ то и сами пер-
пріи о терпѣли крайня лишенія и подвергались тяж-
кимъ невзгодамъ: они не могли развѣсти ошницъ,

jusqu'à présent que deux ouvrages qui sont sortis de l'his-
toire des cosaques: l'un a été publié à Moscou, par la
«Société historique et archéologique», qui a publié plu-
sieurs portraits des représentants des classes cosaques,
bourgeoises et paysannes du sud-ouest de la Russie; et
encore sous forme de supplément à «Annuaire de la Petite
Russie» de Riegelmann, l'autre ouvrage a été entrepris à
Kiew par un particulier, Tarnovsky, qui fit paraître à ses
frais quelques portraits d'hetmans petit-russiens, comme
illustrations à l'ouvrage d'Antonovitch et de Benz.
personnalités historiques du sud-ouest de la Russie. Et
cependant dans le passé de la Petite-Russie il y a eu tant
de choses originales, typiques, instructives, et en même
temps si poétiquement attachantes que depuis longtemps
déjà tout cela réclame la grande publicité et seduit de
longtemps les vrais amateurs et admirateurs de la Russ-
méridionale.

Et en effet, la vie historique de la Petite-Russie, sa
population cosaque des villes et des régions de
Dniéper, le Zaporozjé, a produit maintes fois des héros
dont les noms peuvent être hardiment inscrits sur les pages
de l'histoire universelle. L'apparition de ces héros sur
la scène historique de la Petite-Russie et du Zaporozjé n'est
nullement un caractère accidentel. Placés à un poste de
combat, entre les turcs et les tatars d'un côté et les
polonais de l'autre, les cosaques formaient un véritable
rempart vivant à toute la nation russe et portaient les
épaules à tous les coups, tant du côté de la Crimée et de
la Turquie musulmane que de celui de la Pologne catho-
lique. En luttant pour la liberté politique, pour l'orthodoxie,
pour la nationalité russe, les cosaques ont versé de leur
sang chaque pouce du sol natal et les noms de leurs
héros qui provoquent chez leurs contemporains et
provoquent chez leurs descendants une admiration si
justifiée.

Les plus grands exploits des défenseurs de la patrie
de la foi furent accomplis par ceux d'entre eux qui occu-
pèrent le bas-Dniéper et dans l'immense des steppes.

En se retirant dans les steppes, les cosaques renon-
çaient à la famille, à toutes les joies terrestres, à une vie
humaine, et vécurent au début, qu'il fit froid et qu'il neige,
ou qu'il fit une chaleur ardente et un soleil brûlant, ou
simplement à la belle étoile, plus tard ils se terrèrent dans
des repaires de bêtes ou en de misérables huttes, se nour-
rissant, d'après les anciens historiens, de poisson et de
gibier en cas de chance favorable, et en cas de malheur
d'un bouillon fait avec de l'eau et des cornes de cer-
vins dont la steppe était semée, de farine de blé non
séchée ou de biscuits moisiss, apportés des villes, se con-
solant, lorsqu'ils en étaient réduits là, par la pensée que
cette semblable nourriture «rend l'homme plus léger et lui per-
met de traverser plus facilement à la nage toutes les rivi-
res qu'il rencontre en chemin». Les cosaques sont connus
de petits enfants: si on leur donne beaucoup à manger ils
dévorèrent tout, mais qu'on leur en donne peu ils s'en
contenteront tout de même».

Voulant s'approcher de l'ennemi à l'improviste et le
surprendre, les cosaques s'imposaient souvent les plus gran-
des privations et s'exposaient à des épreuves pénibles, ils

чтобы согреть в зимнее время свои законченные от холода члены; не смели выскрести себя глиняными лыжами, которыми обыкновенно поддерживали себя в бодрственном состоянии, не позволяли ржать своим лошадям, завязывая им морды тряпками, не могли даже пошевелить перегородки между собой и сидели на одном месте по нескольку часов точно окаменевшие, без речи и без всякого движения.

Избывая встречи с чересчур многочисленными врагами, казаки нередко прятались в высокой, покрыванной вола сь рогами или веденника сь копытом, стеной травянистой и блуждали в ней по пням, по ямам и по пням педьвымъ, при чемъ, желая быть сь толку своимъ преследователямъ, неохотно вали волками, лаяли шеннами, кричали пугачами, точно пестые волки, пестыя шенны, пестые пугачи. Оттого-то и сложилось такое поверье, будто всякий запероженный козакъ могъ превратиться во что угодно и въ когтя угодю, и въ хорта и въ ката: «Види оне перекашени у тога такъ живить: ты думаешь, и то то и справит кить, ажъ то заперожень»... «Поеште, братни, шюльши, не шевелити!». Уставъ сь кобы (кошевой Сирко), отдавъ его якому-то (какому-то) козакони, а самъ дуваръ! такъ зробишь хортомъ (охотникомъ собакомъ)».

Застынувшие вь одиночку вь голою, выжженной дымомъ или спальной огнемъ степи, казаки много не бродили сь бердами рькъ, озерь и лимановъ: туль или сны вь тустахъ и непролазныхъ камышахъ, или же прямо бросаясь вь воду, они оставались по несколько часовъ на днѣ рькъ, шива посредствомъ ламинины, одной концы которой держали вь рту, а другой надъ поверхностью воды. Пути свои казаки днемъ «сиранили» по солнцу да по высокимъ курганамъ, а ночью по звездамъ, по течению рькъ да по направлению вѣтра, который у нихъ, смотря по тому, откуда дуть, носили названия то востали, то доина, то ляха, то бусурмена.

Черезъ все это казаки подвергались такимъ страданиямъ, о которыхъ мирные жители городовъ не имели и приблизительнаго представления. Скрываясь вь разныхъ трюбахъ, тернахъ, чарарникахъ да бусракахъ, казаки царапали себя колючками руки, колюли острыми «спичакѣми» ноги, сирали вѣтками сь себя кожу. Забираясь вь зиринныя норы или вь естественныя пещеры, вь тустые камыши, или вь болотистые плавни, они встрѣчались тамъ сь ядовитыми змѣями, черными пауками, тарантулами или «мармуками», пещерными мурадами мошки, комаровъ, слѣплен, оводовъ. Вь открытой, сухой, выжженной солнцемъ или пожаромъ степи казаки испытывали страшныя мучения отъ голода и жажды, и туль часто сь предсмертными стопами ихъ слышались вой шихъ волковъ, которые, растерзавъ глѣю человека и не насытившись имъ, вновь «вышли-проквѣили», — тожь вони похоронны по козакскому тѣлу справляю»... Вь непролазныхъ камышахъ и топкихъ плавняхъ казаки подвергались, особенно вь пероль шевени камыша, изурядительнымъ лихорадамъ и же-

не могли зажечь бичетъ pour rechautter en hiver leurs membres engourdis par le froid; ils n'osaient pas battre le briquet pour allumer leur pipe qui les empêchait généralement de s'endormir; ils ne permettaient pas à leur chevaux le moindre hennissement, et, pour les en empêcher, leur entortillaient le muflle avec des lambeaux d'étoffe; ils ne pouvaient même pas s'entretenir à voix basse et restaient des heures entières sans bouger de leur place, comme pétrifiés, muets et immobiles.

Pour éviter des rencontres avec des ennemis trop nombreux, les cosaques se blottissaient souvent dans les hautes herbes des steppes, si hautes qu'elles dérobaient à la vue un taureau avec ses cornes ou un cavalier avec sa monture; ils y erraient des jours et des semaines entières, et, pour dépister ceux qui les poursuivaient, ils imitaient merveilleusement les hurlements des loups, les aboiements des renards et les hululements des hiboux. On aurait dit de vrais loups, de vrais renards, de vrais hiboux. De là la légende que tout cosaque zaporogue peut se métamorphoser à volonté et prendre la forme qui lui convient le mieux, que ce soit celle du chien ou du matou: «Le voilà qui se change en matou et se met à miauler: on s'imagine que c'est un vrai matou, mais il se trouve que c'est un zaporogue...» «Attendez, camarades, attendez, ne bougez pas!.. Le chef Sirko descendit de cheval, le passa à un cosaque, lit une culbute! et en un clin d'oeil il se métamorphosa en chien de chasse.»

Surpris isolément dans la steppe dénudée, brûlée par le soleil, les cosaques gagnaient vivement les bords des fleuves, des laes et des limans; là, ils se cachèrent dans les épais roseaux ou, plongeant dans l'eau, ils y restaient des heures entières, ne respirant qu'à l'aide d'une tige de roseau dont ils prenaient l'une des extrémités dans la bouche, tandis que l'autre émergeait à la surface de l'eau. Le soleil et quelques tertres élevés permettaient aux cosaques de s'orienter le jour; la nuit ils se guidaient sur les étoiles, la ligne des courants d'eau et la direction du vent, auquel ils avaient donné différents surnoms, selon la région d'où il soufflait: c'était tantôt le moscovite, tantôt l'habitant du Don, tantôt le polonais ou bien le mécréant.

Il résultait de tout cela que les cosaques enduraient des souffrances, dont les paisibles citadins ne pouvaient même pas avoir une idée approximative. Se cachant sans cesse dans toutes sortes de trous, de ronces et de ravins, les cosaques se déchiraient les mains aux ronces, se piquaient les pieds aux chardons, se blessaient jusqu'au sang dans les épaisses broussailles. Lorsqu'ils se glissaient dans les repaires des bêtes ou dans les cavernes, dans les roseaux touffus ou dans les îles basses marécageuses, ils y rencontraient des serpents venimeux, de noires araignées, des tarentules, d'innombrables myriades de thrips, de moustiques, de taons, d'oestres. En pleine steppe rase, stérile, brûlée par le soleil ou l'incendie, les cosaques souffraient horriblement de la faim et de la soif, et souvent leur râle d'agonie s'unissait aux hurlements des loups sauvages qui, après avoir déchiqteté les cadavres humains sans avoir assouvi leur faim, les «tournaient et les retournaient, comme célébrant à leur façon les obscèques des défunts cosaques»... Dans les roseaux inextricables et dans les îlots marécageux, surtout à l'époque de la floraison des roseaux,

стокимъ горячкамъ и умирали отъ нихъ трагическою смертію, вдали отъ родины, вдали отъ друзей, безъ послѣдняго утѣшенія. Набѣгая на Крымъ или на турецкія области, казаки нерѣдко заносили оттуда такъ называемую «черную хворобу», или чуму, и подвергались «наглой смерти»; тогда, «студячись по балкамъ, по дѣпровымъ островамъ, по темнымъ пещерамъ», они подъ конемъ погибали въ совершенно безызвѣстныхъ и глухихъ мѣстахъ, валялись въ степи вовсе непогребенными, подобно навзней скотинѣ, оставаясь нетронутыми даже со стороны хищныхъ звѣрей и хищной птицы, всегда избѣгающей зачумленнаго тѣла человѣка. И лежало въ открытой степи «козачье тѣло, чуманькое било», обмываемое дождемъ, обвѣваемое вѣтромъ, палимое солнцемъ, лежало до тѣхъ поръ, пока вмѣсто тѣла получался голый скелетъ и пока промежъ костей того скелета не прорастала зеленая трава, а черезъ отверстія глазъ не пробивался высокій бурьянъ, — то и служило покровомъ, вмѣсто савана, для поношаго въ борьбѣ за родину казака...

И вся эта жизнь, полная отреченія, полная мукъ, полная всевозможныхъ лишеній, предпринималась казаками ради того, чтобы защитить свою родину, матку Украйну, а вмѣстѣ съ ней защитить всю Русь, весь христіанскій міръ отъ страшныхъ турокъ, наводившихъ въ свое время ужасъ на всю Европу, и хищныхъ татаръ, безпрестанно врывавшихся тысячами, десятками и нерѣдко даже сотнями тысячъ на Украйну и всегда ознаменовавшихъ свои набѣги пожарами, грабежами и уводами нечисленнаго числа несчастныхъ христіанъ въ плѣнъ.

Такъ же тяжела, такъ же страшна и такъ же мучительна была борьба казаковъ съ другими ихъ соседями, поляками. Тутъ дѣло шло о национальной свободѣ, о русской народности, о земельныхъ правахъ, о сословныхъ правахъ, о національной вѣрѣ, въ особенности о святой предковской православной вѣрѣ. Вѣра тутъ играла одну изъ первыхъ и важнейшихъ ролей. Во всю свою историческую жизнь южно-русскій народъ не зналъ ни раскола, ни ересей и тщательно оберегалъ чистоту своей православной вѣры отъ «жидовскаго зловѣрія» и отъ «хищнаго» католицизма. Въ одной народно-козачьей думѣ время гетмана Богдана Хмельницкаго о причинахъ войны казаковъ съ поляками говорится:

«Якъ у святой день,
Божественный вивторокъ,
Гетьманъ Хмельницкій козакивъ до схиць сонинъ
у походъ выряжкывъ.

И стиха словами промовлявъ:
Гей, казаки вы, дити-друзи!
Прощу васъ, добре вы дбайте,
Одъ сна ветавайте,
Святой Огче-нашъ читайте,
На славу Украйны прибувайте,
Жидивъ-раидаривъ,
Лихивъ, мостивыхъ панивъ
У пень рубайте,

les cosaques contractaient des fièvres malignes et putrides, et succombaient tragiquement, loin des parents, des amis, sans un mot de consolation suprême. Lorsqu'ils envahissaient la Crimée ou les provinces turques, les cosaques en rapportaient fréquemment ce qu'on appelait le «mal noir» ou la peste, s'exposant ainsi à la «mort abominable»; alors, «se cachant dans les ravins, les îlots du Dniéper et les noires cavernes», ils expiraient à la fin dans des endroits inconnus et perdus, et leurs cadavres gisaient dans la steppe sans sépulture, telles des charognes de bétail crevé, intactes, car ni les fauves même, ni les oiseaux de proie ne touchent jamais aux cadavres des pestiférés. Et le «cadavre cosaque, la charogne tchoumaque», gisait en pleine steppe, fouettée par la pluie et le vent, brûlée par le soleil, jusqu'au moment où la charogne devenait un squelette dénudé et jusqu'à ce que l'herbe verte se mit à pousser entre les ossements du squelette et que de hautes herbes surgissent des orbites vides.—c'était la couverture, remplaçant le suaire du cosaque, trépassé en combattant pour la patrie...

Et si les cosaques s'imposaient volontairement cette vie pleine de souffrances et de privations de toutes sortes, c'était pour défendre leur patrie, leur mère—Ukraine. Et en même temps la Russie tout entière, tout le monde chrétien contre ces tures effrayants qui semaient, à une certaine époque, l'épouvante dans l'Europe entière, et contre ces féroces tatars dont les hordes inondaient l'Ukraine de milliers, de dizaines et de centaines de milliers d'ennemis, signalant toujours leur invasion par des incendies et des pillages et capturant toujours une quantité innombrable de malheureux chrétiens.

Non moins pénible, terrible et douloureuse était la lutte des cosaques avec leurs autres voisins, les polonais. Ici il s'agissait de liberté politique, de nationalité russe, de biens territoriaux, de droits civils, de croyance nationale, surtout de la foi orthodoxe ancestrale. La question de la religion jouait là dedans l'un des premiers, des principaux rôles. L'histoire de la population du midi de la Russie n'est entachée d'aucun schisme, ni hérésie, et la pureté de la foi orthodoxe fut soigneusement préservée du «mérécantisme judaïque» et du «rapace» catholicisme. Dans une ballade cosaque populaire de l'époque de l'hetman Bogdane Khmelnitsky on trouve ce qui suit au sujet des causes de la guerre des cosaques avec les polonais:

«Et voici que le Jour saint
«Du mardi divin
«L'hetman Khmelnitsky, rassemblant les cosaques à l'aube
pour aller en campagne
«Leur parla en vers comme il suit:
«Hé, les cosaques, mes fils, mes amis,
«Debout, je vous prie,
«Réveillez-vous, levez-vous,
«Priez notre Père qui est dans les cieux.
«Ne pensez qu'à la gloire de l'Ukraine,
«Assomez, hachez sans merci
«Tous les fermiers juifs,
«Polonais et seigneurs maudits,
«Mêlez leur sang au sable jaune des steppes.
«Ne laissez par insulter notre foi chrétienne!»

Кровь ихъ у поли зъ жовтымъ пескомъ минайте,⁵

Вирн своен хрестіянскоу у поругу не дайте!»

Но еще яснѣе выражается причина постоянныхъ войнъ козаковъ съ поляками въ томъ военномъ кликѣ, съ которымъ они обращались передъ войной ко всему православному населенію Украйны: «Кто хочеть за вѣру хрестіанскую быть посаженнымъ на колы, кто хочеть быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ претерпѣть всякія муки за святой крестъ, кто не боится смерти—приставай къ намъ. Не надо бояться смерти: отъ нея не уберешься. Такова козацкая жизнь».

И козаки не разъ такую, именно такую смертью умирали, и опять-таки умирали какъ истые герои, не «скыляче», т. е. не воя, и не «скаржычнсь», т. е. не жалуясь на свою жестокую судьбу. Приговоренные къ мучительной казни—сдиранію съ живого человѣка кожи, козацкіе герои, презирая своихъ безчеловѣчныхъ мучителей, громко, во всеуслышаніе, заявляли имъ, что такая казнь козаку не казнь, а чистый смѣхъ, что отъ сдиранія съ тѣла кожи они не испытываютъ ни малѣйшей боли, а только чувствуютъ, будто по тѣлу у нихъ ползають мурашки: «отъ казали, шо воно болячѣ, ажъ воно мовъ ко-машня кусае»... Присужденный врагами-католиками къ «шнбеницѣ», т. е. къ висѣлицѣ, козакъ верѣдко просилъ себѣ, какъ милости, не вѣшать его, а послать на колы или на *столбѣ* съ острымъ желѣзнымъ спиномъ на верхнемъ концѣ, чтобы умереть потомственнымъ *столбовою* смертью: «Такъ умиравъ мій дядусь царство ему небесе! такъ умеръ мій батько—нехай вишь царствує на тимъ свити! такъ и я хочу умерты», т. е. потомственною столбовою смертью. И козакъ умиралъ, сидя на остромъ спицу пали. И какъ умиралъ? Точно потѣшаясь и надъ самою смертью, и надъ своими палачами, онъ просилъ дать ему люльку, чтобы въ послѣдній разъ повеселить тютюнцомъ душу свою и съ весельемъ закрыть очи свои. Покуривши люльки, козакъ обводилъ страшными очами своихъ мучителей, плевалъ имъ съ пали «у сами очи» и, проклиная какъ ихъ самихъ, такъ и всѣ порядки ихъ, тутъ же, сидя на палѣ, испускалъ послѣдній вздохъ свой... У поляковъ относительно козаковъ создалась даже такая легенда, будто они умирали настоящею подлинною смертью не послѣ первой, не послѣ второй, да и не послѣ третьей, а лишь послѣ четвертой смертельной раны...

И не только гоненіе со стороны поляковъ-католиковъ православной вѣры заставляло малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ браться за оружіе: козаки, а съ ними и простой «посполитый» или хрестіянскій людъ, поднимались противъ поляковъ и за то, что они губили ихъ семьи, насловали ихъ женъ, безчестили ихъ дочерей, снимали съ нихъ послѣднюю одежку, вырвали у нихъ изо рта послѣдній кусокъ хлѣба: «Гикай, ляше, бо все, шо на тоби, то наше!» говорили вожаки народнаго возстанія противъ польскихъ-пановъ притѣснителей и, давая полную волю своимъ страстямъ, жестоко мстили богачамъ за свою нищету и за свои лишения. Здѣсь

Mais la raison des guerres perpétuelles des cosaques avec les polonais se manifeste encore plus clairement dans l'allocution belliqueuse qu'il s'adressaient avant la guerre à toute la population orthodoxe de l'Ukraine! «Que celui qui veut être empalé pour la foi orthodoxe, que celui qui veut être écartelé, roué, que celui qui est prêt à subir tous les supplices au nom de la croix sainte, que celui qui ne redoute pas la mort, — se joigne à nous. On ne doit pas craindre la mort, car nul ne saurait l'éviter. Tel est le lot des cosaques.»

Et souvent les cosaques mouraient justement de cette mort-là, mouraient comme de vrais héros sans se plaindre ni se lamenter au sujet de leur cruelle destinée. Condamnés à être écorchés vivs, les héros cosaques, pleins de mépris pour leurs bourreaux inhumains, déclaraient à haute et intelligible voix, afin que tout le monde les entendit, que ce n'était pas un supplice pour un cosaque, mais une pure dérision, que cela ne leur faisait aucun mal et que c'était comme si des fourmis leur parcouraient le corps: «on prétendait que c'est douloureux, mais ça ne fait pas plus mal que des piqûres de moustiques»... Condamnés par leurs ennemis catholiques à la potence, ils imploraient souvent comme une grâce, qu'on les empalât sur un poteau garni d'une pointe tranchante en fer à son extrémité, afin de mourir de la mort traditionnelle de leurs ancêtres: «Mon grand-père, que le Seigneur ait son âme, est mort ainsi! mon père a obtenu le royaume des cieux en mourant de cette même mort! je veux mourir comme eux», c'est à dire empalé comme eux. Et les cosaques mouraient sur la pointe aiguë du pal. Et il fallait voir comment! L'empalé semblait se moquer de la mort elle-même et de son bourreau, demandait une pipe pour se détecter une dernière fois à fumer sa bonne bouffarde et pour fermer les yeux joyeusement. Sa pipe une fois fumée, le cosaque promenait un regard terrible sur ses bourreaux, leur crachait du haut de son pal en «pleine figure», lançait une malédiction suprême sur eux-mêmes et sur toutes leurs contumes et exhalait son dernier soupir sur le pal même... Une légende s'était formée chez les polonais, qui prétendait que ce n'était pas après la première, ni après la seconde, ni après la troisième blessure que les cosaques mouraient pour de bon, mais après la quatrième seulement...

Ce n'était pas seulement parce que les catholiques polonais persécutaient la religion orthodoxe, que les cosaques petit-russiens et zaporogues prenaient les armes: les cosaques et la population rurale s'insurgeaient encore contre les polonais parce que ceux-ci ruinaient leurs familles, violaient leurs femmes, déshonoraient leurs filles, leur arrachaient jusqu'à leur derniers vêtements, leur enlevaient jusqu'à leur dernière bouchée de pain. «File, polonais, car tout ce qui est sur toi est à nous», disaient les chefs de l'insurrection nationale contre les seigneurs polonais oppresseurs, et, donnant libre cours à leur fureur, ils vengeaient sur les riches leur misère et leurs privations. La haine prenait parfois des proportions telles que les opprimés, selon une chanson cosaque, ne se contentaient pas d'exercer des représailles contre les oppresseurs pendant la vie, mais les menaçaient encore d'une vengeance posthume. Lorsque leurs têtes, détachées du tronc, roulaient sur l'échafaud, elles clamaient:

озлобленіи иногда простиралось такъ далеко, что обиженные, по словамъ козацкой пѣсни, метили своимъ притѣснителямъ не только при самой жизни, но и грозили имъ местию послѣ смерти, когда уже отрубленные отъ туловища головы козаковъ валились на плаху:

«А я того, вражи ляхи, повикъ не забуду,

И якъ была ляшкивъ-панкивъ, такъ и биты буду».

Такъ, не щадя ни средствъ, ни силъ, ни самой жизни, козаки, на сушѣ и на морѣ, концы и пѣшіе, шлами массами и отдѣльными «купами», безъ усталы и безъ перерыва воевали со своими вѣковѣчными врагами, то татарами и турками, то ляхами-католиками, и это дѣло считали самымъ высокимъ и самымъ святымъ для себя дѣломъ. Держа высоко свое знамя и свято выполняя свою задачу, они ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не уступали: не страшились они ни огня, ни морскихъ пучинъ, ни страшнаго голода, ни мучительной жажды въ степи, ни самыхъ жестокихъ, самыхъ варварскихъ казней въ плѣну у своихъ враговъ:

«Ой, полемъ, полемъ Кыліймськимъ,

Та шляхомъ бытымъ Ордынськимъ

Ой, тамъ гулявъ козакъ Голота,

Не боится винъ ни огня, ни меча, ни третѣго
болота».

Гдѣ же черпали козаки силы для такой борьбы съ окружающими ихъ многочисленными неприятелями? Черпали и въ самихъ себѣ, въ глубинѣ своей души, и въ живѣйшемъ содѣйствіи своего православнаго духовенства, которое въ свое время было и передовымъ, и босвымъ, и образованнымъ. Связь между духовнымъ и козацкимъ сословіемъ была въ то время самая живая и самая тѣсная, и строгого разграниченія между тѣмъ и другимъ сословіемъ вовсе не существовало. Оттого сегодншній козакъ-воинъ дѣлался священникомъ, и сегодншній іерей или чернецъ подавалъ руку воину и становился въ ряды козаковъ. Вспомнимъ знаменитаго въ исторіи просвѣщенія южной Руси Петра Могилу, который мужественно сражался въ 1621 году противъ турокъ подъ крѣпостью Хотиномъ, а потомъ сдѣлался кievскимъ митрополитомъ и боронилъ русскую вѣру отъ католиковъ не мечомъ, а крестомъ и живою проповѣдью. Вспомнимъ сына гетмана Богдана Хмельницкаго, Юрія Хмельниченка, сперва также гетмана, а потомъ архимандрита Гелеона и сына вторично гетмана. Вспомнимъ Михаила Вуяхевича, который былъ войсковымъ судьей, и потомъ избранъ былъ братіей Кіево-Печерской лавры архимандритомъ, подъ именемъ Мелетія. Вспомнимъ, наконецъ, въ XVIII вѣкѣ полкового лубенскаго писаря Семена Петриковскаго, бывшаго потомъ, подъ именемъ Силуана, брянскимъ архимандритомъ. А сколько было такихъ козаковъ, которые, оставивъ свое званіе, уходили въ инокіи Самарско-Николаевскаго, въ предѣлахъ Запорожья, или Кіево-Межигорскаго монастыря, или даже сами основывали гдѣ-нибудь въ глухой балкѣ или оврагѣ уединенный скитокъ и тамъ, находясь между небомъ и землей, вели молитвенныя бесѣды съ Бо-

«Sachez, polonais mandits, que je ne l'oublierai jamais,
«Et que je tueraï vos seigneurs comme je les ai déjà
tués».

Et, n'épargnant ni leurs biens, ni leurs forces, ni même leur vie, les cosaques, sur terre et sur mer, à pied ou à cheval, en masses nombreuses ou par «groupes» séparés sans trêve ni repos, guerroyaient avec leurs éternels ennemis, les tatars et les tures ou les polonais, considérant cette guerre comme leur plus grand et leur plus sacré devoir. Drapeau haut, ils remplissaient saintement leur tâche ne pliant jamais devant rien, ni personne, ne redoutant, ni le feu, ni les gouffres marins, ni la faim dévorante, ni la vie solitaire dans le désert, ni les plus cruels, les plus barbares supplices que leurs ennemis infligeaient aux prisonniers:

«Ohé, par les champs, par les champs infinis.

«Par les routes familières aux tatars,

«Ohé, le cosaque Holota va et vient,

«Il n'a peur ni du feu, ni du fer, ni du diabolique
marais...»

Où puisaient donc les cosaques la force de combattre tous ces nombreux ennemis qui les environnaient? Ils la puisaient en eux-mêmes, dans leur propre âme, ainsi que dans le concours le plus actif du clergé orthodoxe qui était à cette époque éclairé, militant et érudit. Le lien le plus vivace et le plus étroit unissait les ecclésiastiques et les cosaques et aucune démarcation sévère n'existait entre ces deux corps si divers. Aussi voyait on le soldat cosaque d'aujourd'hui devenir prêtre le lendemain, tandis que le prêtre ou le moine se joignait aux rangs des cosaques. Citons Pierre Moghila, célèbre dans l'histoire de la civilisation de la Russie méridionale, qui se battit bravement en 1621 contre les tures au fort Khotine et qui devint ensuite métropolitain de Kiew et continua à défendre la croyance orthodoxe, non plus par le glaive, mais par la croix sante et par ses discours. Citons le fils de l'hetman Bogdane Khmelnitsky, Jouri Khmelnitchenko, qui fut hetman d'abord, l'archimandrite Gédéon ensuite et qui rede- vint hetman. N'oublions pas Michel Vouiakhevitch qui, fut d'abord grand prévôt, puis se vit élire archimandrite par la confrérie de la laur Kіeво-Petchersky, sous le nom de Mélétius. Mentionnons enfin au XVIII siècle le clerc de régiment de Loubensk, Siméon Petrikovsky, qui fut ensuite archimandrite de Briansk sous le nom de Sylvain. Et combien de cosaques abandonnaient leur régiment pour se faire moines au couvent de Samara—Nicolaiévsk sur le territoire zaporogue ou au couvent Kіeво- Méjigorsky, ou qui fondaient eux-mêmes dans un ravin isolé quelconque un ermitage, et là, entre ciel et terre, adressaient à Dieu des prières recueillies! Et bien qu'une pareille transformation présente en elle-même un phénomène remarquable, elle s'explique par ce fait qu'à cette époque le moine comme le cosaque «étaient également soldats et citoyens de leur patrie», c'est à dire qu'ils servaient la civilisation, créaient des écoles, fondaient des confréries chargées de lutter contre les dissidents, étudiaient l'histoire de leur patrie, s'occupaient de poésie tout en se battant bravement et sans cesse pour la foi orthodoxe des ancêtres, en même temps que pour la nationalité russe. Toute la différence residait en ce que l'un brandissait la croix sainte et l'autre le sabre ou

